

Ленинский мемориал. Заповедник непобедившего коммунизма

«Мономах» продолжает публикацию материалов, связанных с историей Ленинского мемориала. На этот раз мы воспользуемся воспоминаниями журналиста и писателя Владислава Ястребова, который рассказывает, как благодаря работе в Мемцентре в 1970-х началась его журналистская деятельность.

Подошёл к концу третий курс. Я всерьёз заморачивался по поводу летней подработки. Добрым волшебником опять выступил Вадим Шишкин. Где-то в середине мая он подошёл и без обиняков спросил, не желаю ли я поработать летом. Я желал. Ещё как.

– Где?

– В Ленинском мемориале.

Я оцепенел. О подобной трудовой перспективе я бы и подумать не осмелился. Хотя, если честно, в первую очередь подумал о халявных просмотрах концертов. Дело в том, что годом ранее тот же Шишкин пригласил меня на концерт «Песняров», в первом отделении которого они исполнили свою одноактную театрализованную кантату (это официальная трактовка, неофициальная – рок-оперу) «Песня о доле»¹. Это было что-то с чем-то! Белорусский коллектив мне всегда очень нравился. В школе и на первых курсах техникума я заслушивался «Александринкой» (1971 г.), рок-балладой «Крик птицы» (1974 г.) и «За полчаса до весны» (1976 г.). А задорная «Косил Ясь конюшину» (1971 г.) вообще была одной из моих любимых песен. Но самое интересное приключилось сразу после концерта. Вадим потащил меня в святая святых – за кулисы. Туда можно было добраться и на служебном лифте, но, прождав минуты полторы, мы решили подняться на второй этаж по служебной лестнице, где и обнаружили троих курящих «песняров» во главе с самим Владимиром Мулявиным. Да я был бы не я, если бы прошёл мимо, не задав ни одного вопроса. Мы остановились, и я с извинениями полюбопытствовал, могу ли задать один вопрос.

Мулявин крайне доброжелательно: «Конечно!»

И я спросил, ту же самую ли программу они играли на гастролях в США², что и сегодня.

Было заметно, что Владимир Георгиевич немного опешил. Его, видимо, удивило, что кто-то в не самом большом городке на Средней Волге знает об этой поездке, ведь её более-менее освещала только белорусская пресса, всесоюзная же пыталась хранить едва ли не гробовое молчание. Его достаточно подробный ответ потянул за собой беседу ещё минут на десять. Потом Мулявин засобирился (впереди был ещё один концерт), искренне поблагодарил за интерес к их работе и крепко пожал руку на прощание. Это было блаженство!

Именно эти блаженные воспоминания нахлынули на меня после

предложения Вадима, когда я осознал, что есть возможность вернуться в это место, но уже не на птичьих правах. Разумеется, я с радостью согласился. Лишь полюбопытствовал, как именно будет называться та замечательная должность, которую я буду занимать.

– Рабочий сцены.

Мне это ни о чём не говорило. Но прозвучало по-пролетарски солидно и при этом многообещающе.

Уже на следующий день сразу после занятий мы поехали в Мемориал. По приезде выяснилось, что, оказывается, нужен всего один рабочий сцены. Второго уже взяли. Ко мне исподволь стало подкрадываться чувство отчаяния.

«Не дрейфь, – бодро успоко-

ВИА «Песняры». На переднем плане – Леонид Борткевич (1949–2021), певец, музыкант (гит.)

ил Вадим и исчез куда-то минут на двадцать. Вернулся он с раскрасневшимся лицом и хорошей новостью: – Есть возможность устроиться электроосветителем».

И, видя мою растерянность, сурово добавил: «Я бы на твоём месте даже не раздумывал».

Я же от радужных перспектив слова не мог вымолвить.

Пошли в осветительную на четвёртом этаже знакомиться с будущим начальством. Алексей Петрович Кузоватов встретил меня более чем доброжелательно и через пять минут поверхностной беседы отправил в отдел кадров оформляться на работу.

А затем... Затем были два года (без месяца) беспробудного удовольствия. Собственно, о работе говорить особенно нечего: она была несложной и не слишком щедро оплачиваемой. Но мне лично она дала гораздо больше, нежели какие-то там деньги. Я был на всех (!) концертах того или иного артиста, что давало исключительную возможность составить абсолютно полное и объективное впечатление как о его творческих потенциалах, так и о профессиональных навыках аккомпанирующих музыкантов. Я имел счастливую возможность пообщаться практически с любым заинтересовавшим меня исполнителем, выступавшим на сцене Большого зала Ленинского мемориала. Ибо такого понятия, как личная охрана, тогда не существовало. Ну и самое главное, у меня появилась не планируемая ранее возможность записать интервью с любым именитым гастролёром. Чем я вскоре и воспользовался.

Дебютанткой в моей последующей нескончаемой веренице интервью стала... Эдита Пьеха. Да, понимаю, для человека, позиционирующего себя рок-меломаном, интересоваться творчеством Пьехи – сущее предательство. Но... У меня было вполне разумное оправдание. Песни артистки мне нравились задолго до того, как я услышал первую мелодию, хоть слегка напоминающую рок. Это и основанная на реальных событиях песня «Огромное небо» (1967 г.), и шуточный шлягер «Наш сосед» (1969 г.), и, наконец, лёгкий незамысловатый твист «Манжерок» (1966 г.). Поэтому, естественно, я возжелал записать интервью с исполнительницей моих любимых песен. Не для «Ульяновского комсомольца», с которым тогда уже относительно плотно сотрудничал.

Сотрудники Ленинского мемориала.

Источ.: Архив Валерия Михайловича Смирнова (стоит крайний справа).

Стоит (третья слева): Тамара Леонидовна Ильясова (род. 1 августа 1931 г.).

Сидит (первая слева): Валентина Николаевна Новнова (1942–2013)

Для себя. Подошёл к Валентине Николаевне Новновой, заведующей постановочной частью, и попросил поспособствовать мне. И благому делу.

Она была несколько обескуражена моей просьбой и, видимо, поэтому не смогла отказать мне в резкой форме. Уже через пару минут я сидел в гримёрке и брал интервью у певицы, песни которой слушал и любил ещё в старшей группе детского сада и первом классе средней школы. Интервью получилось на удивление добрым и исчерпывающим. И это было не моей заслугой (ни в малейшей степени), а Эдиты Пьехи.

Красивая, ухоженная, элегантная, умная, доброжелательная. Короче, само обаяние. В неё невозможно было не влюбиться!

Уже на следующий день, расшифровав интервью и выбрав из него самые, на мой взгляд, трогательные моменты, я позвонил Сергею Ульянову и предложил материал для публикации. Он оторопел и, не скрывая недоверия, спросил, правда ли, что сама Эдита Пьеха согласилась дать мне интервью. Со стороны это можно было понять так: неужели настоящая звезда советской эстрады дала интервью какому-то проходимцу без роду и племени, тем более без редакционного удостоверения? Сомнения, смахивающие на оскорбления, я решил пропустить мимо ушей и повёз материал в редакцию. Он был оперативно напечатан³. Но, видимо, коллективный разум редакции также усомнился в моей похвальной проницательности. Я же сразу определил, с чьей чернокосой подачи эти сомнения были посеяны! К моей вящей радости бе-

седа с певицей была записана на кассету, которую я и отвёз в редакцию в качестве доказательства своей непорочности. Через неделю Сергей Ульянов вернул мне запись с робкими объяснениями, что никто в редакции не ожидал от меня такой прыти, а от звезды эстрады – такой снисходительности к самостоятельному корреспонденту. То есть ко мне! Кассету я забрал, а про себя подумал: «То ли ещё будет» и от лица Пугачёвой весело добавил: «Ой-ой-ой».

С лёгкой подачи этого интервью следующие последовали одно за другим (спасибо Валентине Николаевне Новновой!). Я взял интервью у Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Александры Стрельченко, Валерия Леонтьева, Эдуарда Хилия, Юрия Богатикова, Ирины Отиевой, Александра Тихановича (из ВИА «Верасы») и многих других. Не знаю уж по каким причинам, но некоторые из них опубликованы не были. А может, я их просто пока не нашёл. Но после этих во всех смыслах плодотворных общений я пришёл к неожиданному для себя выводу. Но прежде чем его обнародовать, постараюсь объяснить.

Мне в то время было 18–20 лет, я был прожжённым (или, как говорил один мой приятель, «конченным») рок-меломаном и почти ко всей советской эстраде относился с лёгким пренебрежением, а к советским певцам, певицам и вокально-инструментальным ансамблям – с нескрываемым равнодушием. Интервью же эти были для меня, во-первых, хорошей практикой перед последующим, как я надеялся, поступлением на факультет журналистики МГУ, а во-вторых,

косвенным «посланием» моим уже тогда многочисленным недругам – вот, дескать, что я могу!

Стоит также иметь в виду, что с большей частью советской эстрады я мог ознакомиться только посредством радио (которое слушал редко, так как отдавал предпочтение зарубежным радиоголосам) и телевидению (которому уделял времени ещё меньше). То и другое транслировало (за редким исключением) какую-то, как мы тогда выражались, «ботву». И я с юношеским максимализмом совершенно искренне полагал, что такие придурковатые песни могли исполнять только такие же придурковатые артисты. Но проработав в Мемориале совсем непродолжительное время и записав несколько интервью, я понял, что и репертуар у большинства известных артистов просто отменный (разнообразный и профессионально исполненный), и сами артисты – очень грамотные, образованные, воспитанные, интеллигентные люди. А вовсе не придурки! Это было открытие. И поэтому собственноручно эстраде, точнее её внимательному изучению, я стал уделять значительно больше времени и усилий. Чему и сейчас безгранично рад.

При всех безусловных плюсах моей новой работы примерно через две недели после её начала неожиданно выявился один фундаменталь-

ный минус. Слава Богу, всё закончилось без непоправимых оргвыводов.

Однажды в электроосветительной, где мы все обитали, когда не было концертов, раздался звонок городского телефона. Алексей Петрович, сидевший за столом, взял трубку и через секунду перевёл удивлённый взгляд на меня. Я, естественно, напрягся. Шеф положил трубку и произнёс: «Влад, тебя Ильясова¹ вызывает, – и после короткой паузы: – Что-то натворил?»

Я не слишком уверенно в ответ: «Да вроде бы ещё не успел».

Алексей Петрович: «Ну тогда иди».

И я побрёл... в неизвестность. Общения с начальством любого уровня я и сейчас всячески стараюсь избегать. А уж тогда – тем более.

Тамара Леонидовна Ильясова встретила меня доброжелательно. Но присесть не пригласила. «Первый звонок», – с опаской подумал я.

– Владислав, ты – новый работник в нашем коллективе. По работе к тебе претензий никаких нет. Алексей Петрович тобой доволен. Но вот твой внешний вид...

Владислав Ястребов. 1978

Не ожидая такого поворота, я замер в растерянности. Я хоть и походил на нищebroда, но одежка, пусть и изрядно потрёпанная, была на мне чистенькая и аккуратная. За обувь я тоже ухаживал. И потому пришёл в замешательство. Видимо, Тамара Леонидовна оценила неловкость ситуации и пояснила:

– Я имею в виду твои волосы. Такие длинные волосы совершенно неприемлемы в стенах нашего...

Она на секунду задумалась. Слово «святого» в данном контексте было явно неуместно, а другое ей в голову никак не приходило.

– ...нашего... учреждения.

И тут я невольно улыбнулся. Дело в том, что кабинет Ильясовой находился во втором этаже северо-западного угла здания Ленинского мемориала (примерно над кассой). Не уверен, были ли там хоть какие-нибудь шторы, но помню, что, переходя дорогу от гостиницы «Венец» к Мемориалу, я невольно останавливал взгляд на огромном (почти от пола до потолка) окне её кабинета, где над столом висел гигантский портрет Карла Маркса (не Владимира Ульянова-Ленина!). Его внушительная седая шевелюра, ниспадающая на плечи, могла дать фору практически любому современному рокеру. И потому после фразы о неприемлемости я невольно перевёл взгляд на этот знаменитый портрет и брякнул:

– Разве?

Тамара Леонидовна тоже непроизвольно взглянула на портрет, который ей, видимо, уже просто привыкся, и... не смогла сдержать улыбку:

– Понятно, на кого ты равняешься! Но раз ты пока не основоположник марксизма, постарайся иметь причёску покороче и поаккуратнее. Договорились?

Я радостно закивал своими лохмами, радуясь, что ситуация так благополучно для меня разрешилась. И не то чтобы я сдрейфил, но в тот же день после краткого пересказа Кузоватову начальствующих претензий я отпросился сбежать в парикмахерскую, которая находилась буквально напротив, в южном корпусе гостиницы «Венец». И уже через час имел вполне оптимальный для столь солидного учреждения внешний вид.

Уже на следующий день я случайно попался на глаза Ильясовой. По её благожелательной улыбке понял, что она весьма довольна результатом нашей встречи.

Алексей Петрович Кузоватов. 2006

¹ См.: «Песня о Доле» (белорус. «Песня пра Долю», 1978 г.; муз. Владимира Мулявина, сл. Янки Купалы). В записи она вышла только в 2006 году.

² В декабре 1976 года «Песняры» совместно с американской кантри-группой The New Christy Minstrels дали несколько концертов в разных городах США. Я об этих гастролях узнал из программ «Голоса Америки».

³ См.: Пьеха Э. Ожерелье из жемчужинок: интервью с певицей Эдитой Пьехой / записал В. Ястребов // Ульяновский комсомолец. – 1979. – 28 марта. – С. 4.

⁴ Тамара Леонидовна Ильясова (род. 1 августа 1931 г.) была заместителем директора по Большому залу Ленинского мемориала с 15 апреля 1975-го по 15 января 1986 года.